

Троицкий Н. И. Из внутреннего быта студентов Московской Духовной Академии через 10 лет ее пребывания в Троице-Сергиевой Лавре // Богословский вестник 1914. Т. 3. № 10/11. С. 314–322 (1-я пагин.).

Из внутренняго быта студентов Московской Духовной Академіи чрезъ десять лѣтъ ея пребыванія въ Троице-Сергіевоѣ Лаврѣ.

Внутренняя жизнь закрытаго учебнаго заведенія трудно доступна постороннему наблюдателю; отсюда и трудность въ опредѣленіи ея облика, характера и нравственнаго достоинства. И всякіе официальные отчеты о ней недостаточны, а иной разъ и недостоверны,—когда дѣло касается интимной жизни воспитанниковъ: тутъ и воспитанники стараются себя защитить отъ стороннихъ нареканій или подвысить о себѣ мнѣніе въ обществѣ, и начальство склонно и стремится „покрыть“ грѣхи юности и ошибки невѣдѣнія въ жизни своихъ питомцевъ, съ расчетомъ себя оправдать или—представить ихъ и себя въ выгодномъ, даже хотя бы приличномъ видѣ. Оттого и получается иногда: „отчетъ“ самъ по себѣ, а жизнь заведенія сама по себѣ,—иначе, выходитъ то, что такъ наглядно выражаетъ народная притча:

„Хороша наша деревня,
Только улица грязна:
Хороши наши ребята,
Только... славушка худа!“—

Посему, тѣмъ болѣе цѣнны такіе документы или вообще источники, кои не имѣютъ официального значенія. Наобо-

ротъ. Лучше, если они имѣютъ характеръ частный, даже личный, при этомъ, конечно, отличаются искренностію, откровенностію, а вмѣстѣ и подробностію. Таковы по преимуществу разнаго рода „записки“ отдѣльныхъ дѣятелей или совершенно частныхъ лицъ.

Однако, необходимо имѣть въ виду, что и такія „записки“ далеко не всегда имѣютъ одинаковую степень достовѣрности. Когда они представляютъ воспоминанія отдѣльныхъ лицъ о давно быломъ и здѣсь же о себѣ самихъ и таковыя воспоминанія предназначаютъ для изданія во всеобщее свѣдѣніе; то невольно внушаютъ читателю подозрѣніе и неизбежно затрагиваютъ его критику. Во этомъ случаѣ, естественно, иное забывается въ подробностяхъ, иное преувеличивается до идеализированія, привносится нѣчто страстное и пристрастное, обнаруживающее иногда зависть къ славѣ лучшихъ дѣятелей, мстительность по личной неприязни, а то и просто „художественное“ привираніе, такъ называемое „красное словцо“ и пр. т. п.

Въ виду этого, безспорно, интереснѣе всѣхъ таковыхъ „записокъ“ тѣ, которыя для изданія ихъ въ свѣтъ вовсе не предназначались, писались только для себя,—для напоминанія только себѣ самому о бывшемъ съ самимъ же собою и о пережитомъ въ себѣ же самомъ. Въ этомъ дѣлѣ ложь автора уже не имѣетъ совершенно никакого смысла. И если такія „записки“ поступаютъ иногда въ печать, то не по волѣ ихъ составителей. Таковы именно „дневныя записки“ отдѣльныхъ лицъ, представляющія ихъ самонаблюденіе изо дня въ день—среди окружающей ихъ обстановки, со всѣми впечатлѣніями, какія она производитъ при установившемся строѣ жизни и происходящихъ въ ней повседневныхъ перемѣнахъ. Не стѣсненный ни чѣмъ, авторъ въ своихъ запискахъ имѣетъ побужденіе говорить только правду, ибо говорить о себѣ и для себя самаго—только.

Такія „дневныя записки“, цѣнныя сами по себѣ, особенно цѣнны въ научномъ отношеніи, если они касаются интимной жизни закрытаго учебнаго заведенія. Перечитывая ихъ, историкъ такого заведенія какъ бы слушаетъ рассказъ самаго же воспитанника о его жизни, со всѣми его переживаніями,—рассказъ, отличающийся, обыкновенно, неподдѣль-

ной искренностью, сердечностью, совѣстностью, откровенностью до излишества, живостью воспріятія впечатлѣній, отзывчивостью, вообще юношескимъ благодушіемъ и простодушіемъ, доходящимъ до крайности—до наивности...

Извѣстно, что въ Московской Духовной Академіи въ давнее - бывшее не только воспитанники, но и наставники вели свои „дневники“; но, къ сожалѣнію, они или вовсе не появлялись въ печати, или только отчасти—въ извлеченіяхъ, какъ — „дневникъ“ знаменитаго Ректора Академіи, достославной памяти прот. Ал. Вас. Горскаго.

Въ Тульской Епархіальной Палатѣ Древностей имѣется подлинная рукопись одного изъ студентовъ Московской Духовной Академіи, представляющая собою „дневникъ“ въ точномъ смыслѣ этого названія, и относящаяся къ 1824 году, т. е. къ первому десятилѣтію Академіи на новомъ мѣстѣ ея пребыванія—въ Лаврѣ.

Вообще рѣдкая въ своемъ родѣ, а по своей относительной давности тѣмъ болѣе, рукопись эта имѣетъ особую цѣнность для историка Академіи, какъ достовѣрнѣйшее сказаніе одного изъ ея студентовъ о своемъ житіѣ-бытѣ и сущихъ съ нимъ въ его время. Да уже и самый фактъ веденія студентомъ такихъ „записокъ“ съ цѣлю наблюденія за самимъ собой изо дня въ день, безъ пропусковъ, представляется характернымъ для студенчества того времени.

Рукопись носитъ названіе: „Дневныя записки 1824 года, въ теченіи Марта. Московской Духовной Академіи Студента Василья Зарина“. 1)

---

1) Рукопись эту приобрѣлъ я въ Костромѣ, состоя тамъ на службѣ, въ 1879-мъ году. Она писана на шести тетрадкахъ зеленой (современной) бумаги, въ 8-ю д. л., мелкимъ шрифтомъ и тонкимъ плотнымъ почеркомъ. Сохраняя въ этомъ изданіи орфографію и мѣстный (Костромской) выговоръ подлинника, я не удерживаю, однако, всѣхъ его знаковъ препинанія, поставленныхъ такъ небрежно (?), что, при сохраненіи ихъ, было бы затруднительнымъ чтеніе и пониманіе подлинника. *Авторъ.*

Василій Заринъ—кандидатъ пятаго курса; окончилъ Академію въ 1826 году. Въ томъ же году 5 октября Костромскимъ семинарскимъ Правленіемъ опредѣленъ инспекторомъ и учителемъ латинскаго языка въ Галичское уѣздное училище, о чемъ см. „дѣло“ Академической Конференціи за 1826 г. № 11. *Ред.*

Дневникъ этотъ очень содержателенъ, такъ какъ авторъ, ведя его изо дня въ день, касается какъ разныхъ сторонъ повседневной студенческой жизни вообще, такъ и своей личной жизни, съ ея мелкими обстоятельствами, а иногда и въ соприкосновеніи ея съ жизнью общественной, и пр.

Вотъ нѣкоторыя черты, въ которыхъ вырисовывается внутренняя жизнь студента Московской Духовной Академіи по „Дневнику“ одного изъ ея питомцевъ, г. Зарина.

Подъ вліяніемъ монастырской обстановки, частаго посѣщенія храмоваго богослуженія и совершенія домашней молитвы, добрыхъ совѣтовъ и примѣровъ жизни самихъ наставниковъ (особенно такихъ авторитетныхъ, какъ „умнѣйшій изъ профессоровъ Академіи“ прот. Ѳ. А. Голубинскій), а также чтенія книгъ Ѳомы Кемпійскаго, Іоанна Арндта, Юнга и пр., у автора „Дневника“ прочно слагалась и нерѣдко очень замѣтно выступаетъ благочестивая настроенность, а въ отношеніи къ храму, монастырю и святынямъ Лавры возрастающая даже до ревности...—Подъ тѣмъ же вліяніемъ юный авторъ размышляетъ серьезно иной разъ о борьбѣ своего духа съ плотію,—совершенно въ настроеніи инока. Однако авторъ не склоненъ къ ханжеству; онъ критически относится къ сказаніямъ и фактамъ изъ области суевѣрій и пр.

Кромѣ благочестія, очень замѣтно сказывается въ студентѣ чувство патріотизма,—по разнымъ обстоятельствамъ. Такъ, при чтеніи и размышленіи о событіяхъ Русской Исторіи, относящихся къ давнему времени, но возвышающихъ достоинство народа и славу Отечества, авторъ приходитъ въ умиленіе даже до слезъ, что въ особенности вызывается у него краснорѣчіемъ знаменитаго историографа Н. М. Карамзина.

Въ отношеніи къ наставникамъ и начальникамъ „Дневникъ“ свидѣтельствуетъ искреннюю добрую расположенность и благопокорливость. Не смотря на то, что „классы“ были до и послѣ обѣда, не смотря на нѣкоторые обременительные и не легко переносимые труды, возлагаемые нѣкоторыми наставниками, однако осужденія ихъ въ „Дневникѣ“ не

встрѣчается. Такъ, занятый едва не каждый день переписываніемъ „лекцій“, преимущественно по „Философской Исторіи“, студентъ не выражаетъ негодованія, ведетъ это дѣло съ терпѣніемъ и лишь шутливо называетъ эти лекціи „философщиной“.

Начальство, по отзыву Зарина, относилось къ студентамъ „съ обыкновенною благосклонностію“, „снисходило множеству *классическихъ* грѣховъ“, посему и въ „Дневникѣ“ нѣтъ жалобъ на строгія взысканія Начальства со студентовъ за ихъ слабости. Впрочемъ, кажется, и самыя слабости эти были, относительно, не очень зазорны, да и подвержены то имъ студенты были также не дуже: Заринъ разъ только отмѣчаетъ въ своемъ „Дневникѣ“, что, прогуливаясь съ своимъ товарищемъ, онъ выпилъ пол-пивца. И этотъ фактъ, какъ выдающійся, записанъ въ „Дневникѣ“... Или еще: однажды сему памято-писцу прислали 2 фунта нюхательнаго табаку; узнавъ объ этомъ, товарищи немедленно „половину его разсыпали по табакеркамъ“...

Впрочемъ, поддаваясь этой слабости, нѣкоторые не могли оставить ея и потомъ: въ послѣдствіи протоіереи и архіереи нюхали табакъ и даже, такъ сказать, при официальной обстановкѣ; а нѣкоторые, и уже заслуженные, профессора совершали это нюханіе даже на кафедрѣ. Они дѣлали это какъ то торжественно и артистически — какъ бы ставя своего рода знакъ восклицанія въ концѣ какого-либо серьезнаго періода своей ученой и мудреной рѣчи. Затѣмъ медленно извлекался изъ кармана долгополаго сюртука широкой цвѣтной платокъ, обмахивались рыхлыя ноздри носа и — *opus operatum*, а вмѣстѣ, иной разъ, кстати заканчивалась и лекція.

Въ частности, въ отношеніи инспекторскаго надзора въ Дневникѣ не замѣтно сколько нибудь серьезнаго протеста; но въ отдѣльныхъ случаяхъ проявлялось сѣтованіе (и, кажется, справедливое) на излишнюю строгость дисциплины. Когда, напр., нѣкоторые студенты пожелали доставить своимъ товарищамъ развлеченіе музыкой, то, при появленіи о. Инспектора, они и товарищи ихъ сочли за благо „разбѣжаться“... Между тѣмъ,—

Домашняя обстановка студентовъ чужда была сколько-нибудь содержательныхъ развлеченій.

Время, свободное отъ классныхъ занятій и домашнихъ научныхъ работъ, обычно проводилось въ товарищескихъ разговорахъ, оживленныхъ, доходившихъ не рѣдко до горячихъ споровъ, которые „обыкновенно окончивались ничѣмъ“. Разговаривали и о родинѣ и—радостяхъ и весельѣ, которыя общаетъ она, и о будущемъ въ своей жизни, а то и о колдунахъ, о разбойникахъ и т. п. Спорили и по научнымъ вопросамъ, а то—иной споръ, иногда и горячій, каковъ, напр., „споръ съ крикомъ“ о достоинствѣ нарѣчій Костромскаго и Московскаго, и о „превосходствѣ Костромскихъ протопоповъ“...

Между дѣломъ, отдыха ради, студенты отправлялись на Лаврскую колокольню — послушать „царя“, пробѣжать или „побродить“ по монастырскимъ стѣнамъ, подняться на башню и полюбоваться окрестностями, которыя, однако, „совершенно пустыни“.—Совершались, конечно, прогулки и внѣ монастырскихъ стѣнъ: въ Лаврскомъ Пафнутіевомъ саду, на бульварѣ и по улицамъ Посада, да и то, кажется, не часто...

Домашняя жизнь студентовъ шла очень скромно. Въ „Дневникѣ“ совершенно не упоминаются карты, танцы, домашніе спектакли и под. (что имѣло мѣсто позднѣе). Правда, было однажды „представленіе“ домашнее, но оно состояло въ томъ, что посредствомъ какого то самодѣльнаго ящика, со вставленнымъ въ него лорнетомъ, воспроизводились на экранѣ тѣневые портреты Архіереевъ, философовъ и какія-то китайскія картинки... Къ числу развлеченій относились тогда и такъ-называемыя „рекреаціи“ (нарочитые дни отдыха, свободные отъ классныхъ занятій) — каждый по особому ходатайству „старшихъ“ и „съ дозволенія“ Начальства. Онѣ существовали въ школьномъ быту съ того времени и долго потомъ (до Устава пр. Макарія и гр. Д. А. Толстого)—въ училищахъ, Семинаріяхъ и Академіяхъ. Но въ Московской Академіи и эти развлеченія сводились опять-таки къ прогулкамъ около да вокругъ Лавры, развѣ только въ нѣсколько большемъ районѣ, чѣмъ въ обычные дни.

Начальство понимало необходимость игръ, укрѣпляющихъ тѣлесное здоровье, и, кажется, постепенно вводило ихъ: такъ, въ этотъ 1824 годъ въ Академическомъ обиходѣ появилась игра въ кегли и, какъ „неизвѣстная“ дотолѣ, отмѣчена въ „Дневникѣ“ съ нѣкоторыми подробностями...

Развлеченій собственнаго изобрѣтенія студенты едва ли могли доставлять себѣ много,—по обычной въ то время скудости денежныхъ средствъ вообще всего учащагося духовнаго юношества.—Личныя средства студента Зарина были весьма скудны: у него даже и на именины его не было ни одной копейки—„ни на колачъ, ни на свѣчку“... Однако, онъ ни разу даже и Великимъ постомъ не жалуется на скудость казеннаго Академическаго содержанія — въ пищѣ, въ одеждѣ и т. п.—Изъ „Дневника“ извѣстно, что въ то время къ услугамъ студентовъ были „кредиторы“; но и къ этому источнику средствъ доступъ студентамъ былъ не безъ затрудненій: имъ выдавались ссуды, но при поручительствѣ надежныхъ плательщиковъ, а за неимѣніемъ таковыхъ, отказывалось... Автору „Дневника“ тоже одинъ разъ было отказано въ такой ссудѣ и по той же причинѣ; но онъ, внося это горестное обстоятельство въ свой дневникъ, рекомендуетъ самъ себѣ переносить таковое лишеніе чисто съ философскимъ терпѣніемъ...

Впрочемъ, тогда на обычные расходы студентамъ денегъ много и не требовалось, особенно если имѣть въ виду, что поѣздки въ Москву, за отсутствіемъ тогда желѣзной дороги, вообще были затруднительны, особенно поѣздки—ради развлеченій, каковы: театры, концерты, выставки, знакомства и т. п.—что имѣло мѣсто потомъ и, конечно, не воспрещается теперь.

Однообразная, скудная и скучная обстановка Академическая въ стѣнахъ монастыря и внѣ его, и повседневная жизнь, лишенная сколько-нибудь содержательныхъ развлеченій, естественно настраивали студента на монастырскій тонъ.

Авторъ „Дневника“ понимаетъ и чувствуетъ свою отчужденность отъ „свѣта“ и общественной жизни и „мечтаетъ“, хотя не смѣло, когда-нибудь посѣщать общество; а въ дру-

гой разъ и несравненно тверже онъ тоже мечтаетъ, но объ „удивенной тихой жизни въ какой-нибудь хижинѣ“...

Только изрѣдка скука студенческой жизни достигаетъ повышеннаго тона и отзывъ о ней студента дѣлается рѣзкимъ, является какъ бы выраженіемъ ропота, скрываемаго, но до времени. Такъ, когда студента Зарина спрашивали одинъ воспитанникъ Костромской Семинаріи, идти ли ему въ Московскую Духовную Академію; то Заринъ размышляетъ: „Что отвѣчать? дай отвѣчу такъ: Если имѣешь жаркую (ибо просто теплую имѣть, кажется, мало) и притомъ постоянную любовь къ наукамъ, далѣе—если безропотно и въ молчаніи готовъ переносить всякую тѣсноту, какая совмѣстна съ четырьмя стѣнами монастыря и съ тѣсными углами студенческой комнаты, то ступай съ благословеніемъ Божиимъ“... (16-е мая).

Что же касается, однако, Академическаго образованія, то Заринъ ставитъ его высоко, считаетъ его несравненно лучшимъ, чѣмъ оно въ свѣтскихъ (и высшихъ) школахъ. Самъ онъ мечтаетъ о пастырствѣ и даже молится: „Помози ми, Господи! Ты видишь, что сердце мое ищетъ сей священной обязанности. Веди меня къ ней Божественнымъ Словомъ Твоимъ!“ (17-е мая).

Если таковая настроенность студентовъ была цѣлью Академическаго воспитанія, то такая цѣль, кажется, достигалась...

НВ. 1. Содержаніе „Дневныхъ записокъ“ студ. Зарина можетъ дать наблюдательному читателю хорошій матеріалъ и еще для нѣсколькихъ выводовъ, пригодныхъ для характеристики внутренняго быта студентовъ Духовной Академіи, въ самомъ началѣ ея новобытія, — особенно, при сопоставленіи давно-прошедшаго съ недавно-минувшимъ и настоящимъ: но я, съ своей стороны, по нѣкоторымъ соображеніямъ, собственно-личнаго свойства, воздерживаюсь отъ сего—до времени и временъ...

2. Издаваемая мною подлинная рукопись „Дневныхъ записокъ“ В. Зарина, доведенныхъ имъ только до 19-го мая

1924 года включительно, какъ мнѣ кажется, сохранилась не вполнѣ. Въ виду этого, мной предприняты нѣкоторыя мѣры къ розыску окончанія оной. Разумѣется, все найденное представлено будетъ въ редакцію того же журнала— для напечатанія въ качествѣ „окончанія“ напечатаннаго уже.

Николай Троицкій.

Тула.

1914 года, Октябрь, 1-е.
